

## Публицистический диалог России с Западом о «духе нового времени» в статьях Н. М. Карамзина журнала «Вестник Европы»<sup>1</sup>

Блудилина Н.Д.,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия, [dilinata@mail.ru](mailto:dilinata@mail.ru)

В статье дается анализ трансформации взглядов писателя Н. М. Карамзина, отразившихся в его публицистических статьях в журнале «Вестник Европы» за 1802–1804 гг. через призму диалога России с Западом: спора о сути геополитических и общественных идей — консервативных и либеральных — в свете политических и культурных перемен этой сложной эпохи рубежа веков, которые в целом образно названы «дух нового времени». Также исследуется корпус переводных публицистических статей «Вестника Европы» за указанный период, которые в большинстве своем остаются не переизданы.

**Ключевые слова:** Публицистика, политика, общество, культура, литература, консерватизм, либерализм, Н. М. Карамзин, журнал «Вестник Европы».

### Для цитаты:

Блудилина Н.Д. Публицистический диалог России с Западом о «духе нового времени» в статьях Н. М. Карамзина журнала «Вестник Европы» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Bludilina.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2017040208

### For citation:

Bludilina N.D. Publicist dialogue Russia with the West on the «new spirit of time» in articles N. M. Karamzin of the magazine «Bulletin of Europe» [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Bludilina.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2017040208

Редактирование журнала «Вестник Европы» — это отдельный важный период творчества Н.М. Карамзина: погружения в современные ему политические и культурные события Европы, в аналитическом сопоставлении деяний лидеров Запада и России в переломное историческое время. Цель и задачи нашей работы: изучить проблему трансформации взглядов писателя и показать, как они отразились в его публицистике в журнале «Вестник Европы» за 1802–1804 годы через призму спора либеральных и консервативных общественно-политических идей в свете политических и культурных перемен этой сложной эпохи рубежа веков, которые в целом образно названы «дух нового времени». Изучению публицистических воззрений писателя уделено было недостаточно много внимания как в русской критике XIX в, так и в литературоведении XX века, и в современном. Например, ученый Н.В. Кувшинова в своей кандидатской диссертации «Нравственные основания мировоззренческих идей Н.М. Карамзина», исследуя в целом формирование нравственных воззрений писателя этому важному периоду посвятила небольшой лишь фрагмент [11, с. 50]. До самого последнего времени весь корпус переводных публицистических статей «Вестника

<sup>1</sup> Работа выполнена по исследовательскому проекту «Н. М. Карамзин: энциклопедический словарь», грант РФФИ (РГНФ) № 15-04-00494

Европы» за указанный период остается неопубликованным, а доля авторства Н.М. Карамзина в некоторых из них представляет загадку. До сих пор существуют разные мнения исследователей, противоречиво толкующих проблематику и идеи содержания публицистических статей этого журнала. На художественное их своеобразие также мало обращали внимание.

Политические статьи Карамзина в «Вестнике Европы» за 1802–1804 гг. и его авторизованные переводы-извлечения из двенадцати лучших европейских журналов (подбор материалов всегда определялся издателем) отражали свежий взгляд на события своего времени и ясную их оценку просвещенным и литературно-одаренным современником, подготавливали и формировали общественные взгляды образованной русской публики начала XIX в. «Читали из двухнедельных ясных обозрений Карамзина, — утверждал Погодин в своем биографическом труде, — понимали яснее и узнавали короче положение Европы, чем узнается оно из еженедельных наших газет» [14, с. 340–341]. Публицистика «Вестника Европы» привлекали внимание читателей не только отражением в них современных событий, но и своим содержанием и литературными достоинствами: ясностью, верностью, трезвостью и независимостью суждений, ведь издатель всегда предлагал читателю свое мнение о происходящих событиях и о характерах действующих лиц; образным поэтическим языком, насыщенным яркими тропами, общей художественностью стиля, не характерного для «скудно-казенного» изложения фактов, обычного для журнальной периодики.

С первых же страниц «Вестника Европы» Н.М. Карамзин погружал читателей в мир общественно-политических страстей сложной переходной эпохи, в извечный спор старого миропонимания с новым мировосприятием, в котором рождается «дух нового времени». В России это был молодой период царствования Александра I, когда много говорилось о «духе нового времени», о потребностях этого времени, о правах человека, о справедливости вообще, о необходимости разумности в устройстве государства. Но был исторически отрицательный пример революционной Франции, когда под предлогом этих благих идей выступили на общественное поприще самые неразумные страсти человеческие.

Открывает новое для публики издание «Письмо к Издателю», где Карамзин откровенно и радостно пишет, рисуя идиллическую картину современной ему действительности: «Искренно скажу тебе, что я обрадовался намерению твоему издавать журнал для России, в такое время, когда сердца наши, под кротким и благодетельным правлением юного монарха, покойны и веселы; когда вся Европа, наскучив беспорядками и кровопролитием, заключает мир, который по всем вероятностям будет тверд и продолжителен; когда науки и художества в быстрых успехах своих обещают себе еще более успехов; когда таланты, в свободной тишине и на досуге, могут заниматься всеми полезными и милыми для души предметами; когда литература, по настоящему, расположению умов, более, нежели когда-нибудь должна иметь влияние на нравы и счастье» [1, с. 3].

Приподнятый пафос утверждения настоящего (или все же надежды на будущее?) присутствует в этом ритмизованном лирическом тексте: повтор причастного оборота с союзом «когда» придает ему особую смысловую взволнованность. Указаны ведущие мотивы настроений времени надежд — «когда» «сердца ... спокойны и веселы» и долгожданный мир и тишина дают возможность заняться «всеми полезными и милыми для души предметами» [1, с. 3]. Милый предмет для «души» писателя — литература, он уповает, что она должна иметь влияние «на нравы и счастье».

Этому способствуют, он убежден, и благие перемены в сфере просвещения общества: «...уже деятельный разум во всех состояниях, во всех землях, чувствует нужду в познаниях, и

© 2017 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет»

© 2017 Moscow State University of Psychology & Education

требует новых, лучших идей» [1, с. 3]. Карамзин указывает, что все сословия стремятся к просвещению: и «монархи в Европе считают за долг и славу быть покровителями учения»; и «министры стараются слогом своим угождать вкусу просвещенных людей», и «придворный хочет слыть любителем литературы; и «судья читает, и стыдится прежнего непонятного языка Фемиды»; и «молодой светской человек желает иметь знания, чтобы говорить с приятностью в обществе, и даже при случае философствовать», и «нежное сердце милых красавиц находит в книгах ту чувствительность, те пылкие страсти, которых напрасно ищет оно в обожателях»; и «матери читают, чтобы исполнить тем лучше священный долг свой»; и «семейство провинциального дворянина сокращает для себя осенние вечера чтением какого-нибудь нового романа» [1, с. 3–4].

Мы видим вновь необычайно идеальный взгляд писателя на настоящее: он горячо доказывает, что все чаяния об образованном обществе из минувшего века Просвещения уже состоялись в веке наступившем, или должны непременно быть. Порой кажется, что он выдает желаемое за действительное, точнее все же, он прозревает будущее, дает рекомендации и программу для действия. Для убедительности Карамзин вновь прибегает в тексте к выразительным ритмическим повторам, теперь однородных предложений, наполненных смысловыми доминантами, развивающими общую тему «всеобщего просвещения».

Вывод писателя однозначен: вкус к литературе «общая мода и главная в Европе», для этого он предлагает «только счесть типографии и книжные лавки в Европе» [1, с. 4]. Карамзин обращает свои взоры и на отечество, которое не является исключением: у московских книгопродавцев с некоторого времени торговля беспрестанно возрастает и, что особо важно для писателя «хорошее сочинение кажется им теперь золотом» [1, с. 4]. Для убедительности он приводит свои личные наблюдения: «Я живу на границе Азии, за степями отдаленными, и почти всякой месяц угощаю у себя новых рапсодов, которые ездят по свету с драгоценностями русской литературы, и продают множество книг сельским нашим дворянам. Доказательство, что и в России охота к чтению распространяется, и что люди узнали эту новую потребность души прежде неизвестную» [1, с. 5].

Карамзин полагает, что в России литература может быть еще полезнее, чем в других землях, ибо «чувство в нас новее и свежее; изящное тем сильнее действует на сердце, и тем более плодов приносит» [1, с. 5]. Писатель воображает себе «великой предмет для словесности, один, достойный талантов» так: «Сколь благородно, сколь утешительно помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российской; развивать идеи, указывать новые красоты в жизни, питать душу моральными удовольствиями, и сливать ее в сладких чувствах со благом других людей!» [1, с. 6]. Это, конечно, есть главная цель и его творчества в целом, и в частности его публицистики периода издания «Вестника Европы».

Идея «сочинения» нового журнала созрела у Карамзина при чтении «любопытных» европейских журналов, в которых «все лучшие авторские умы на сцене»; и конкретная его задача — «выбрать приятнейшее из сих иностранных цветников и пересаживать на землю отечественную!» [1, с. 7]. Достоинство журнала, убежден наш писатель, состоит в разнообразии, которое «приятно хорошим выбором», а хороший выбор иностранных сочинений требует еще хорошего перевода: «Надобно, чтобы пересаженный цветок не лишился красоты и свежести своей» [1, с. 7]. Его метафора «цветника» европейской культуры, пересаженного на российскую почву явилась наилучшим образом привлекательного для читателя «цветения» и процветания нового издания.

Одной из важных составляющих этого «цветника» являлся раздел «Политика»: «...надеюсь только, что эта часть журнала, ко счастью Европы, будет не весьма богата и

© 2017 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет»

© 2017 Moscow State University of Psychology & Education

любопытна». Карамзин поздравляя издателя с новым титулом «политика», и предупреждает его (и самого себя!), от излишнего увлечения этой журналистской ролью, всему свое время и место: «Что для кисти Вернетовой буря, то для политика гибель и бедствие государств, народ бежит слушать его, когда он, сидя на своем трезубце, описывает раздоры властей, движение войска, громы сражений и стон миллионов; но когда громы умолкнут, все помиряется, и все затихнет: тогда народ, сказав: *finite è la comedia!* Идет домой, и журналисты остаются один с листами своими» [1, с. 8]. И в дальнейшем он будет следовать собственному совету, и чтобы его читатель не заскучал, наполнит свой «цветник» разнообразием тем.

В первом номере «Вестника Европы» раздел «Политики» открывало «Всеобщее обозрение», в нем была дана общая картина: «Наконец мир в Европе. Исчезли ужасы десятилетней войны, которая потрясла основание многих держав, и разрушая, угрожала еще большими разрушениями; которая, не ограничиваясь Европою, разливала пламя свое и на все другие части мира, и которая будет славна в летописях под страшным именем войны революционной. Особенным ее характером было всеобщее волнение умов и сердец. Кто не занимался ею с живейшим чувством? Кто не желал ревностно успехов той или другой стороне? И многие ли сохранили до конца сей войны то мнение о вещах и людях, которое имели они при ее начале? Она не только государства, но и самые души приводила в смятение» [1, с. 66]. Риторические вопросы в этой статье как и яркие метафоры придают особую взволнованность публицистическим высказываниям писателя, эмоционально акцентируя смятение душ в период революционных войн, разливавших разрушительное пламя на все части мира. Если сравнить с рассмотренной начальной статьей «К издателю», здесь всё противоположно, описанной ныне наступившей идиллии, когда сердца «покойны и веселы». В этом же духе следует и продолжение обозрения: прошлое осталось позади, действия «ужасной революции» останутся «пятном» восемнадцатого века (далее идет важное примечание автора), «слишком рано названного философским» [1, с. 66]. Писатель твердо убежден, что девятнадцатый век должен быть счастливее, ибо народы уверились в необходимости законного повиновения, а государи — в необходимости «благодетельного, твердого, но отеческого правления» [1, с. 66]. Венчает размышления о веке нынешнем и веке минувшем замечательный афоризм: «Сия мысль утешительна для сердца, которое в самых бедствиях человеческого рода находит, таким образом, залог добра для будущих времен» [1, с. 66].

Заканчивается «Всеобщее обозрение» описанием программы журнала, в котором читатели будут уведомляться: «о мирном благоденствии держав, о полезных учреждениях во всех землях, о новых мудрых законах, более и более утверждающих сердечную связь поданных с монархами» [1, с. 84]. Вторя своему предупреждению издателю об излишнем увлечении политикой, Карамзин утверждает: «Военные громы возбуждают нетерпеливое любопытство: успехи мира приятны сердцу» [1, с. 84], поэтому он оставляет издателям ведомостей право сообщать в отрывках всякого рода политические новости, а «мы будем замечать только важные» [1, с. 84]. Сверхзадачу издания писатель видит в том, что «Вестник Европы» в продолжении своем может составить «избранную библиотеку литературы и политики» [1, с. 84].

Обещанное читателям было исполнено уже в течение первого года.

Первое полугодие издания «Вестника Европы» (1802 г.) завершалось обзорной статьей Карамзина «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» (№ 12 за 1802 г.). Эту статью-обзор умонастроений начала XIX в. можно считать программой для истории общественного сознания александровской эпохи, в ней определены главные черты нового «духа» эпохи, который принесла французская революция в Россию — «духа» либерализма, и

черты «старого», просветительского — «духа» рационализма и консерватизма. Остановим свое внимание на этой статье в поисках определения главных черт александровского времени по Карамзину.

Главный пафос статьи «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» (да и ее название говорит само за себя) — «никакое время не обещало столько политического и нравственного благоденствия Европе, как наше» [4, с. 314]. «Не желаю быть мечтателем, — пишет Карамзин, — но в царствование Александра могут ли добрые желания и патриотические надежды быть мечтами?» [4, с. 322] Для молодого поколения русских образованных людей — это было счастливое молодое царствование, время это имело для России, как государства, особенный характер счастливой и наполненной надеждами красивой молодости.

Статья Карамзина «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» открывается обзором внешнеполитических событий, которые и привели Европу к «политическому и нравственному благоденствию»: «Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок освящен» [4, с. 314]; «...французская революция, грозившая ниспровергнуть все правительства, утвердила их; (почти на всех тронах Европы видим юных государей, деятельных и ревностных к общему благу». Автор, выражая общественное мнение того времени, приходит к выводу: «Революция была злословием свободы: правительства, не хвалясь именем, дозволяют гражданам пользоваться всеми ее выгодами, согласными с основанием и порядком общества» [4, с. 314–315]. Далее он рассуждает о «дружественном союзе народов», который благоприятствует «взаимному сообщению великих умов» [4, с. 315].

Взор автора обращен и к России: «Какой надежды не можем разделять с другими европейскими народами мы, осыпанные блеском славы и благодеяниями человеколюбивого монарха? Никогда Россия не уважалась в политике, никогда ее величие не было так чувствуемо во всех землях, как ныне, ... она может презирать обыкновенные хитрости дипломатики и судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народов» [4, с. 317].

Для Карамзина молодой монарх соединил в себе все те надежды, любовь и преданность, которые «поданные так счастливы законно отдавать своим владыкам». Нарушенный революцией миропорядок восстановлен, и Россию в этом обновленном мире ждет великое будущее, убежден Карамзин; и он готов в числе других «лучших умов» послужить отечеству «под знаменем властителей» и «способствовать успехам настоящего порядка вещей» [4, с. 315].

Ясно и точно, выразил издатель «Вестника Европы» зарождавшиеся умонастроения в русском обществе начала XIX в., «дух нового времени», когда страстное желание служения истинному общественному благу сливается с не менее страстной верноподданностью своему, юному монарху, олицетворяющему будущую державную мощь России.

Ранее в № 3 «Вестника Европы» за 1802 г. издатель привел переводную из парижского журнала статью «Новая политика», в которой также анализировалось существенное изменение общественного сознания эпохи с «философского» на прагматическое во Франции: «Мы свергли с неба старинных моралистов и новыми системами доказали ложь их мудрости. Все приняло другой вид: доходы теперь стоят наряду с добродетелями, торг занял место нравов...» [2, с. 4]. Здесь звучит предупреждение об опасной перемене, которая наступает после революционных событий, на место благородных просветительских систем приходит низкая власть капитала.

Статья, подобного политического содержания, «О мире» была напечатана и в № 8 «Вестника Европы» за 1802 г.: «Политическое спокойствие Европы, при нынешней отменной деятельности умов, обещает нам много приятного для жизни и много полезного для гражданского состояния людей. <...> Революция кончилась не только для Франции, но и в

© 2017 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет»  
© 2017 Moscow State University of Psychology & Education

*Блудилина Н.Д.*  
Публицистический диалог России с Западом о «духе  
нового времени» в статьях Н. М. Карамзина журнала  
«Вестник Европы»  
Язык и текст langpsy.ru  
2017. Том 4. № 2. С. 62-74.  
doi: 10.17759/langt.2017040208

*Bludilina N.D.*  
Publicist dialogue Russia with the West on  
the «new spirit of time» in articles N. M.  
Karamzin of the magazine «Bulletin of  
Europe»  
Language and Text langpsy.ru  
2017, vol. 4, no. 2, pp. 62-74.  
doi: 10.17759/langt.2017040208

умах, которые теперь от одних мудрых законных властей ожидают лучшей доли для человечества в гражданском порядке» [3, с. 376]. Здесь вновь звучит надежда на благие перемены в общественном сознании («умах»), ибо «законные власти» должны гарантировать «гражданский порядок», это основа «общественного договора», столь долго обсуждаемого философами-просветителями на исходе восемнадцатого века.

Политическое равновесие внешних сил, по мнению Карамзина, создает благоприятные условия для равновесия внутреннего в государстве, в его общественном сознании, недолгое примирение умов, объединенных единой целью: послужить общему благу.

Отголоски идей «вечного мира» можно встретить и в публицистическом сочинении Карамзина «Записка о древней и новой России», когда он анализирует политическое равновесие в Европе накануне 1805 г.: «начнем с внешней политики... Умная Англия, испытав невыгоду мира, старалась снова поднять всю Европу на Францию и делала свое дело. Вена тосковала о Нидерландах и Ломбардии: война представляла ей великие опасности и великие надежды. Берлин хитрил, довольствуясь учтивостями: мир был для него законом благоразумия. Россия ничего не утратила и могла ничего не бояться, т.е. находилась в самом счастливом положении. Австрия, все еще сильная, как величественная твердыня, стояла между ею и Францией, а Пруссия служила нам уздой для Австрии. Основанием российской политики долженствовало быть желание всеобщего мира, ибо война могла изменить состояние Европы; успехи Франции и Австрии могли иметь для нас равно опасные следствия, усилив ту, или другую. Властолюбие Наполеона теснило Италию и Германию; первая как отдаленнейшая, менее касалась до особенных польз России; вторая долженствовала сохранять свою независимость, чтобы удалить от нас влияние Франции. ...Россия казалась только великодушною посредницею Европы...» [10, с. 50].

В русскую литературу XVIII в. идеи Сен-Пьера и его «проект вечного мира» были введены благодаря переводам И.Ф. Богдановича сочинений Ж.-Ж. Руссо: в 1771 г. он издал «Сокращение, сделанное Жан-Жаком Руссо, женеvским гражданином, из проекта о вечном мире, сочиненного господином аббатом Сен-Пьером». «Общественный договор» Руссо, в котором развивались идеи «вечного мира» в значении социального равновесия, был опубликован на русском языке в 1786 г.

Со всеми этими работами Карамзин был хорошо знаком, и следы увлечения идеями «вечного мира» и в политическом, и в социальном значении можно найти в некоторых статьях «Вестника Европы».

Но рассуждения о «вечном мире» и сам проект, вряд ли могли изменить порядок вещей: Россия уже жила ожиданием войны с Бонапартом.

Карамзин, объясняя изменение самосознания русского общества в начале XIX века внешними причинами, поражает прозорливостью и широтой суждений о сложной и переменчивой эпохе, которыми мог, безусловно, обладать не просто непосредственный участник событий, а пытливый созерцатель и исследователь исторического процесса, с интуицией «гения», художника. Карамзин также поразительно точен и в передаче романтического мироощущения людей александровского времени, когда все ужасы прошлых потрясений забыты, и все взоры и мысли мечтательно устремлены в будущее.

Как и в первой статье «К издателю», в статье «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» взор автора обращен к будущему России: звучит и радостная надежда Карамзина на новое царствование, основанная не только на преуспевании России во внешней политике, но и на внутренних, благотворных переменах; о чем свидетельствуют «нынешнее

общее спокойствие сердец», «благородные, истинно человеческие идеи», более и более действующие в умах [4, с. 317]. Автор статьи приходит к выводу, что «рассудок утверждает права свои и дух россиян возвышается» — это те важные перемены в общественном самосознании, которые, по его мнению, приведут к дальнейшему процветанию России [4, с. 317]. Написав картину просветительской идиллии «дней александровых прекрасного начала», Карамзин спешил заверить читателей, что Россия еще не находится «на высочайшей степени блага и совершенства. Нет, мудрое правление наше тем счастливее, что оно может сделать еще много добра отечеству» [4, с. 318].

И среди будущих благ «века Александра» Карамзин назвал «полное, методическое собрание гражданских законов, точно и мудро написанных», и отметил их особое знание, их историческую приемственность: «Великая Екатерина даровала нам систему политических уставов, определяющих права и отношения состояний к государству. Александр дарует нам систему гражданских законов, определяющих отношения граждан между собою. Тогда законоведение будет наукою всех россиян и войдет в систему общего воспитания» [4, с. 319]. Карамзин статьей «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» готовил читателей к будущим значительным общественным переменам в России, которые должны будут продолжить начинания века просвещенного абсолютизма. Захваченный новым либеральным «духом» времени перемен, Карамзин в глубине души все же склонялся к «старому» просветительскому взгляду: он был уверен в необходимости и в новое царствование «действия истинного просвещения» [4, с. 319].

К кому были обращены все эти «надежды и мечтания» Карамзина?

К русскому дворянству; «оно есть душа и благородный образ всего народа», ему «слава и счастье отечества должны быть ... особенно драгоценны» [4, с. 321]. Карамзин назвал и «героя, своего времени» — «молодой человек с решительным образом мыслей» [4, с. 319].

Сложилось априорное мнение у некоторых исследователей вслед за утверждением Ю. М. Лотмана, что «Вестник Европы» Карамзина журнал «откровенно бонапартистский» [13, с. 282]. Исследовательница И. И. Фадеева утверждает: «Карамзин не только анализирует происходящее в Европе, он словно использует личность и политику Наполеона как показательный пример для Александра Первого» [15, с. 154]; в том же духе рассуждает ученый историк М. Г. Лобачкова [12, с. 90]. Очевидно, что эта взаимосвязь выведена из ложного предположения, что антитеза Наполеон и Александр I, составившая организующее начало политической позиции «Вестника Европы», состояла в противопоставлении сильного правителя слабому правителю. Но содержание первых годов выпуска журнала свидетельствует о другом: для издателя «Вестника Европы» это было противопоставление «темного» политического гения — Бонапарта (хотя «гений и злодейство», безусловно, для Карамзина «две вещи несовместные») и «светлого» политического гения — Александра I. Нельзя согласиться и с утверждением, что «Вестник Европы» — журнал «откровенно бонапартистский». Постараемся доказать обратное.

Дальнейший анализ текстов статей из карамзинского издания покажет, что отношение к Наполеону у Карамзина было совсем неоднозначным.

Материал о Бонапарте появляется в первых же номерах «Вестника Европы», но это свидетельствует не о «бонапартистском» направлении журнала, а об интересе читающей и думающей публики александровского времени к столь важной политической фигуре в международных делах, и издатель, в соответствии с общественными задачами журнала, знакомит читателей с загадочным для них пока образом французского консула.

В журнале за 1802 г. № 1 Карамзин приводит из французского журнала «Анекдоты о Бонапарте», где представлен почти идеальный образ молодого гениального полководца-провидца событий. Приведем для ознакомления самые выразительные: «За несколько дней до отъезда в Итальянскую армию, Бонапарте пришел к одному из друзей своих, спросил бумаги и написал в десять минут план военных действий, которой был у него в голове. В сем плане именно назначено, что первое поражение неприятеля будет при Меллезимо, и что Австрийцев, должно выгнать из ущелин Тирольских. В конце сказано: “И перед воротами Вены дам я вам мир!”» [1, с. 60]; «Бонапарте был двадцати шести лет от роду, когда поехал командовать армию. “Такому ли молодому человеку быть военачальником!”, — сказал ему один из его приятелей. “Я еду молод, а возвращусь стариком”, — отвечал он» [1, с. 61]; «Бонапарте в начале своего Консульства часто повторял, что Первый Консул должен быть ничто иное, как первый и всегдашний ходатай государства по внешним и внутренним делам» [1, с. 62]; Он сказал французским морским Офицерам: “Вы храбры, но были побеждаемы от неповиновения. На сухом пути храбрость без подчиненности может иногда победить, а на море никогда”» [1, с. 62].

Что представляли собой на самом деле эти «анекдоты»: перед нами создаваемый в обществе миф о Бонапарте, который успешно растиражировали печатные органы, либо это сознательная пропаганда легенды о Наполеоне, которую сочиняли сами газетчики с подачи властей? Возможно, это было и то и другое. Встает и другой важный вопрос: сколько здесь правды и выдумки? Как эти вопросы разрешал для себя Карамзин станет очевидным из дальнейших его публикаций на эту тему.

В № 8 «Вестника Европы» за 1802 г. Карамзин публикует «Письмо о консуле Бонапарте» (без подписи), словесный портрет будущего героя или антигероя, и каждый из читателей волен сделать выбор сам: «Всякий портрет и бюст сего редкого человека должны быть похожи; но никакое изображение не представит его совершенно. Можно ли кистию или резцом изобразить огонь глаз и какую-то неизъяснимую любезность рта его? В приеме и обхождении он чрезвычайно холоден и даже застенчив; на всякого человека, ему представляемого, устремляет быстрый взор — потупляет глаза в землю, и редко взглядывает в другой раз, слушает с великим вниманием, и всего более удивляет тем французов; отвечает коротко и нерешительно, так что из слов его нельзя ничего заключить об успехе дела» [3, с. 343].

В приведенном выше «Письме о консуле Бонапарте» и в других исследуемых ниже статьях «Вестника Европы» можно предположить отчасти авторство Карамзина, который по всем отзывам европейской прессы создает некий собирательный психологический иронично-восторженный портрет Бонапарта, из которого очень явственно видны черты великого лицедея, играющего пока в многозначительность и загадочность «редкого человека», который на глазах изумленной публики скоро превратится в «великого человека».

Далее в «Вестнике Европы» за 1803 г. (№ 12) появилось описание занятий Бонапарта — «День консула Бонапарта, из записок одной немецкой дамы, живущей в Париже»: «Всегдашняя деятельность есть главная потребность сего великого человека и первая черта его характера. Сие природное, весьма редкое дарование способствовало возвышению Бонапарте... и ныне помогает ему достойно занимать сию степень величия... Прилежное исследование всех частей государственной науки делает его ежедневно способнее повелевать Республикою...» [5, с. 307].

Верил ли сам Карамзин в возможность превращения недавнего капрала в просвещенного правителя, или в этой «всегдашней» занятости он видел всего лишь притворство и игру в величие? Не случайно в тексте записок этой мифической немецкой дамы (ее происхождение должно было свидетельствовать о беспристрастности ее суждений) издатель «обронил»



невзначай фразу-намек для проницательного читателя: «...консул должен много читать» [5, с. 307].

В то время многие горячие головы и тщеславные сердца молодых людей александровского времени были романтически увлечены славой Бонапарта, которую они ошибочно принимали за величие, именно им в большей степени адресованы эти публикации.

В 1803 г. в № 18 «Вестника Европы» появилась новая статья о Бонапарте — «Письмо из Парижа. Прием в Сен-Клу. (Из нем. журнала)». В ней вновь описывается внешность французского консула, но для автора уже отчетливо видно, что «ни одна черта не изображает отменного человека»: «Взор его совершенно погас и не изъясняет ничего. Один умный физиолог, говоря со мной о том, заметил, что это бывает следствием живых, сильных страстей, глубоко скрываемых в сердце. Консул имеет одну страсть, но сильнейшую и самую разрушительную: властолюбие и любочестие; и никакой властитель лучше его не скрывал от толпы своего истинного характера» [5, с. 109–110].

Загадочный образ стал проясняться и вызывать явную неприязнь. Прозрение наступило в 1804 г., когда произошло полное превращение «маленького капрала» в императора, но не для всех.

Карамзин в № 20 «Вестника Европы» за 1804 г. публикует статью, развенчивающую все романтические представления его молодых современников-либералов и о Наполеоне, и о французской революции — «Цезарь, Кромвель и Бонапарте (Из англ. “Ведомостей”): «Поработить народ именем вольности, предаться всем злодеяниям, твердя о добродетели: вот первые начала науки революционной! Известно, какую силу имеют слова над умами толпы народной, но еще может быть и не довольно примечено, сколь далеко простирается сила их в отношении к тем, которые почитают себя чуждыми общим предрассудков, потому что воспользовались ими. <...> Г. Бонапарте, подобно Цезарю, уничтожил Республику, подобно Кромвелю восхитил престол своего государя; подобно тому и другому покусился присвоить себе царское достоинство — но здесь оканчивается сравнение». Отличие Наполеона от других тиранов автор статьи видит в том, «что г. Бонапарте рассудил за благо поступить совсем иначе: он дерзнул стать на ряду с государями, но мы уверены, что он от страха не назвался королем французов. Г. Бонапарте польстил себя надеждою, что титул императорское, новое для французов, не возбудит в них, подобно королевскому, напоминаний, для него страшных...». Заканчивается статья изумлением перед Наполеоном и другими представителями высшей власти: «Подивимся счастливой судьбе г-на Бонапарта. Приняв титул императорское, по особливим своим расчетам, он заставил государей следовать его примеру...» [8, с. 335, 337–339].

В «Вестнике Европы» за 1804 г. в № 21 среди известий из Парижа о последнем, поразившем общество событии — короновании Бонапарта, — печатается протест Людовика XVII: «Бонапарте, принимая, на себя достоинство императора и желая, чтобы оно объявлено было наследственным в фамилии его, приложил тем самым печать к похищению им верховной власти. Сие новое деяние революции, в которой все, с самого начала, было ничтожно, не может без сомнения уничтожить права мои...» [9, с. 64].

«Вестник Европы» был, согласно взглядам своего издателя, монархическим журналом. В 1804 г. Карамзин во внезапном превращении французского правления из республиканского консульского в монархическое видел и подтверждение «давно уже всеми признанной истины», «что государство обширное и великое не может и не должно быть республикою» [9, с. 64].

*Блудилина Н.Д.*  
Публицистический диалог России с Западом о «духе  
нового времени» в статьях Н. М. Карамзина журнала  
«Вестник Европы»  
Язык и текст langpsy.ru  
2017. Том 4. № 2. С. 62-74.  
doi: 10.17759/langt.2017040208

*Bludilina N.D.*  
Publicist dialogue Russia with the West on  
the «new spirit of time» in articles N. M.  
Karamzin of the magazine «Bulletin of  
Europe»  
Language and Text langpsy.ru  
2017, vol. 4, no. 2, pp. 62-74.  
doi: 10.17759/langt.2017040208

В статьях «Вестника Европы» антитезой «темному» правителю-тирану, разрушителю спокойствия народов Европы — Наполеону является «светлый» мудрый монарх, который «чтит древний образ своего правления» и «безопасность и счастье своего народа» — Александр I.

В 1804 г. Карамзин опубликовал в своем журнале в № 21 статью «Первые годы царствования Александра I». В ней «последним превращениям французского правления» противопоставлен идиллический образ России «под кроткою державою» Александра I: «Где господствует тишина и спокойствие, где земледелие и промышленность подают друг другу руки; где правитель и граждане согласно текут путем своим; там народ благодетельствует под мудрым правлением» [9, с. 65]. Перед нами воплощение идеи «вечного мира», но уже не в политическом, а в социальном равновесии. Монархизм в то время исповедовало почти все высшее сословие России, обожание своего монарха было естественным.

Очевидно, что «Вестник Европы» не мог быть «бонапартистским» журналом: целью писателя была не апология Наполеона как великого деятеля и человека, а, напротив, его дискредитация, открытая демонстрация низких черт его личности читающей публики, в том числе, как лицемерного лицедея, в котором нет ни простоты, ни правды, истинной основы величия (согласно Л. Н. Толстому).

Где искать истоки этих заблуждений молодых умов России? Карамзин видит их в иностранном воспитании целого поколения русских дворян, выросших на любви к Франции. «Мы осыпаны, можно сказать, обременены благодеяниями господ французов, — с иронией отмечал Карамзин в «Вестнике Европы» за 1804 г. в № 16. — Никто не сомневается, с какими трудностями сопряжена обязанность приучать грубых северных жителей произносить в нос французское п, заставлять вытверживать вокабулы и ощупью по пути непорочному и непроходимому вести нас к храму просвещения» [7, с. 658].

Анализируя прошедшие события, когда-то составлявшие содержание публицистических статей «Вестника Европы», Карамзин писал в «Записке о древней и новой России» о недавних ошибках и заблуждениях начала царствования Александра I: «Можно было угадать следствия... Но отчего такая перемена в системе? Узнали опасное властолюбие Наполеона? А дотоле не знали его?..»; «...каким образом изъясним горестное расположение умов? Несчастливыми обстоятельствами Европы и важными, как думаю, ошибками правительства, ибо, к сожалению, можно с добрым намерением ошибаться в средствах добра» [10, с. 49–51].

Для Карамзина, погружившегося в изучение русской истории, пора просветительских мечтаний и надежд периода издания «Вестника Европы» подошла к концу, наступила пора разочарования и переосмысления прошедшего перед лицом будущих испытаний «духа» нации «грозы двенадцатого года». Плоды его глубоких размышлений и анализа современности в сопоставлении с историей осуществились в его историко-публицистическом сочинении 1811 г. «Записка о древней и новой России», в которой автор выразил более зрелый и нелицеприятный взгляд историка на александровское правление и его реформы.

## Литература

1. Вестник Европы. 1802. № 1
2. Вестник Европы. 1802. № 3.
3. Вестник Европы. 1802. № 8.
4. Вестник Европы. 1802. № 12.
5. Вестник Европы. 1803. № 12.

*Блудилина Н.Д.*

Публицистический диалог России с Западом о «духе нового времени» в статьях Н. М. Карамзина журнала «Вестник Европы»

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 2. С. 62-74.

doi: 10.17759/langt.2017040208

*Bludilina N.D.*

Publicist dialogue Russia with the West on the «new spirit of time» in articles N. M. Karamzin of the magazine «Bulletin of Europe»

Language and Text langpsy.ru

2017, vol. 4, no. 2, pp. 62-74.

doi: 10.17759/langt.2017040208

6. Вестник Европы. 1803. № 18.
7. Вестник Европы. 1804. № 3.
8. Вестник Европы. 1804. № 16.
9. Вестник Европы. 1804. № 20.
10. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
11. Кувшинова Н. В. Нравственные основания мировоззренческих идей Н. М. Карамзина // Автореферат диссертации кандидата философских наук. ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет», 2009.
12. *Лобачкова М. Г.* «Вестник Европы» Н. М. Карамзина о политике первого консула Франции (1802–1803) // Вестник научно-технический информационных технологий, механики и оптики. 2006. Вып. 1 (24). С. 84–91.
13. *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987.
14. *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии. М., 1866. Ч. 1.
15. *Фадеева И. И.* Образ Наполеона Бонапарта в журнале Н. М. Карамзина «Вестник Европы» // Экстремизм, конфликты и войны: история и современность». Труды международной конференции. 2010. С. 154–156.

Блудилина Н.Д.  
Публицистический диалог России с Западом о «духе  
нового времени» в статьях Н. М. Карамзина журнала  
«Вестник Европы»  
Язык и текст langpsy.ru  
2017. Том 4. № 2. С. 62-74.  
doi: 10.17759/langt.2017040208

Bludilina N.D.  
Publicist dialogue Russia with the West on  
the «new spirit of time» in articles N. M.  
Karamzin of the magazine «Bulletin of  
Europe»  
Language and Text langpsy.ru  
2017, vol. 4, no. 2, pp. 62-74.  
doi: 10.17759/langt.2017040208

# Publicist dialogue Russia with the West on the «new spirit of time» in articles N. M. Karamzin of the magazine «Bulletin of Europe»

Bludilina N.D.,

*Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute World literature. A. M. Gorky of the  
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, dilinata@mail.ru*

---

The article contains an analysis transformation of the views of the writer N. M. Karamzin, affecting in his nonfiction articles in the magazine «Bulletin of Europe» for 1802–1804 years through the prism dialogue Russia with the West: of the dispute about the essence of the geopolitical and social ideas — conservative and liberal — in the light of the political and cultural change this difficult era at the turn of the century, which, in General, figuratively named «the spirit of the new times». Also explores the corpus bills of translated articles the «Bulletin of Europe» for a specified period, most of which are not reprinted.

**Key Words:** Tags Journalism, politics, society, culture, literature, conservatism, liberalism, N. M. Karamzin, magazine «Bulletin of Europe».

---

## References

1. Herald of Europe. 1802. No. 1
2. Herald of Europe. 1802. № 3.
3. Herald of Europe. 1802. № 8.
4. Herald of Europe. 1802. № 12.
5. Herald of Europe. 1803. № 12.
6. Herald of Europe. 1803. No. 18.
7. Herald of Europe. 1804. No. 3.
8. Herald of Europe. 1804. No. 16.
9. Herald of Europe. 1804. No. 20.
10. *Karamzin N. M. Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyah.* M., 1991.
11. *Kuvshinova N. V. Nравstvennyye osnovaniya mirovozzrencheskih idej N. M. Karamzina //Avtoreferat dissertacii kandidata filosofskih nauk. GOU VPO «SHujskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet», 2009.*
12. *Lobachkova M. G. «Vestnik Evropy» N. M. Karamzina o politike pervogo konsula Francii (1802–1803) // Vestnik nauchno-tekhnicheskij informacionnyh tekhnologij, mekhaniki i optiki. 2006. Vyp. 1 (24). S. 84–91..*
13. *Lotman, Yu. M. The Creation of Karamzin.* M., 1987.

*Блудилина Н.Д.*

Публицистический диалог России с Западом о «духе нового времени» в статьях Н. М. Карамзина журнала

«Вестник Европы»

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 2. С. 62-74.

doi: 10.17759/langt.2017040208

*Bludilina N.D.*

Publicist dialogue Russia with the West on the «new spirit of time» in articles N. M.

Karamzin of the magazine «Bulletin of Europe»

Language and Text langpsy.ru

2017, vol. 4, no. 2, pp. 62-74.

doi: 10.17759/langt.2017040208

14. *Pogodin M. P.* Nikolaj Mihajlovich Karamzin po ego sochineniyam, pis'mam i otzyvam sovremennikov: Materialy dlya biografii. M., 1866. CH. 1.
15. *Fadeeva I. I.* Obraz Napoleona Bonaparta v zhurnale N. M. Karamzina «Vestnik Evropy» // ЕНкстремизм, конфликты и войны: istoriya i sovremennost'. Trudy mezhdunarodnoj konferencii. 2010. S. 154–156